

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 2. С. 11–35.

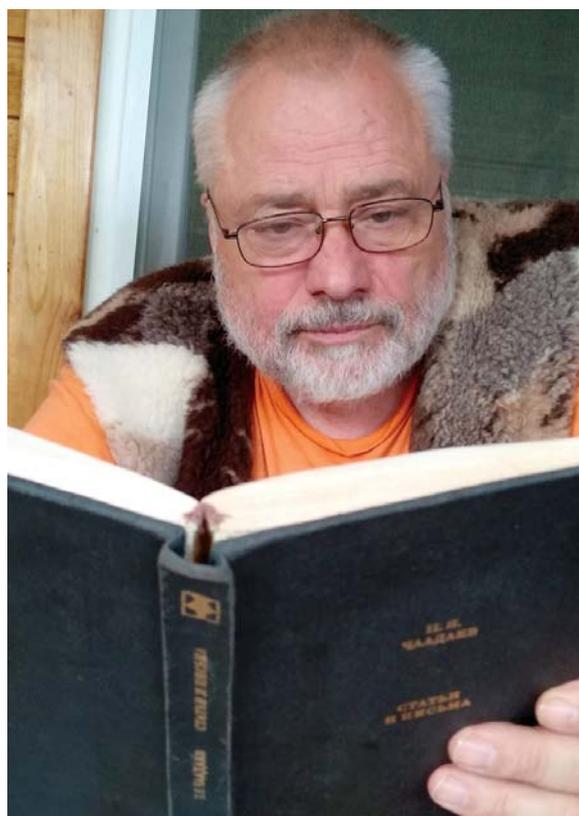
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 2. P. 11–35.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-11-35

ВАСИЛИЙ ТЁРКИН — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ РОССИИ

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. В статье автор показывает Василия Тёркина как человека, преодолевающего внутренней силой фрустрацию, возникшую у людей в результате невероятной жестокости завоевателей. Великая Отечественная война выросла из европейских войн первой половины XX века. Автор полагает, что Германия, потерпевшая поражение в Первой мировой войне, обложенная контрибуциями, сознательно восстанавливалась как милитаризованная структура англосаксонским капиталом для удара по Советской России, для ее

тотального уничтожения. В результате был выращен монстр. Как писал крупнейший немецкий философ истории и юрист Карл Шмитт, Гитлер — это самое жуткое порождение немецкой англomanии. Автор приводит памятку гитлеровского солдата: «Помни о величии и победе Германии. Для твоей личной славы ты должен убить ровно 100 русских. У тебя нет ни сердца, ни нервов — на войне они не нужны. Уничтожив в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского; не останавливайся — старик перед тобой, женщина, девушка или мальчик. Убивай!» Этой установке на уничтожение противостояла позиция Василия Тёркина — «Ради жизни на земле», позиция выживания. Интересно и важно, что на этой страшной войне не ушло, а стало как бы нормой самоощущения понятие *чести*, понятие, которое вводил Петр Великий в сознание русских людей. И Тёркина держит чувство чести. Про А. Т. Твардовского говорили, что он ходит между ордером (на арест) и орденом, и книга про Тёркина — «Книга про бойца», — к которой издатели относились скептически, вдруг получила Сталинскую премию первой степени. «Василий Тёркин» продолжился дантовской по замыслу, да и по исполнению, поэмой «Тёркин на том свете». В конце 1960-х годов на кухне у автора собирались друзья, и он читал вслух «Тёркина на том свете». Это был вариант протестного мироощущения. Жизненность созданного Твардовским образа бойца оказалась поразительной. Замах на дантовский уровень не погубил поэму, а показал ее силу и глубину, глубину созданного образа.

Ключевые слова: А. Т. Твардовский, В. А. Твардовская, Тёркин, Германия, Советская Россия, Гитлер, война, Англия, политбеседа, пленный край, переправа, честь, Сталинская премия

Благодарности. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Василий Тёркин — национальный герой России // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 2. С. 11–35. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-11-35.

From the Editor

VASILY TERKIN — NATIONAL HERO OF RUSSIA

Vladimir K. Kantor

National Research University
“Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. In the article, the author shows Vasily Terkin as a man who overcomes with his inner strength the frustration that arose in people as a result of the incredible cruelty of the conquerors. The Great Patriotic War grew out of the European wars of the first half of the 20th century. The author believes that Germany, defeated in the First World War and burdened with contributions, was deliberately restored as a militarized structure by Anglo-Saxon capital to strike at Soviet Russia, to destroy it completely. As a result, a monster was raised. As the leading German philosopher of history and lawyer Carl Schmitt wrote, Hitler is the most terrible product of German Anglomania. The author cites a memo from a Hitlerite soldier: “Remember the greatness and victory of Germany. For your personal glory, you must kill exactly 100 Russians. You have neither a heart nor nerves — they are not needed in war. Having destroyed pity and compassion in yourself, kill every Russian; Don’t stop — there’s an old man in front of you, a woman, a girl or a boy. Kill!” This attitude of destruction was opposed by the position of Vasily Terkin — “For the sake of life on earth,” a position of survival. It is interesting and important that in this terrible war the concept of honor did not disappear, but became a norm of *self-awareness*, a concept that Peter the Great introduced into the consciousness of the Russian people. And Terkin is supported by a sense of honor. They said about Tvardovsky that he walks between an arrest warrant and an order, and the book about Terkin, “A Book about a Fighter,” which publishers were skeptical about, suddenly received the Stalin Prize of the first degree. “Vasily Terkin” continued with the poem “Terkin in the Afterlife,” Dante-like in concept and execution. In the late 1960s, friends gathered in the author’s kitchen, and he read “Terkin in the Afterlife” aloud. It was a version of a protest worldview. The vitality of the fighter’s image created by Tvardovsky turned out to be astonishing. The attempt at Dante’s level did not ruin the poem, but showed its strength and depth, the depth of the created image.

Keywords: A. T. Tvardovsky, V. A. Tvardovskaya, Terkin, Germany, Soviet Russia, Hitler, war, England, political talk, captive region, crossing, honor, Stalin Prize

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2025) “Vasily Terkin — National Hero of Russia,” *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(2), pp. 11–35. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-2-11-35.

XX век был веком самых страшных войн. Войны были всегда, были невероятные гекатомбы, но попыток тотального уничтожения в течение одной войны миллионов, причем сознательного уничтожения, кажется, до прошлого столетия трудно припомнить. Это была эпоха, отрицавшая героизм и индивидуальных героев в массовых смертях. Думаю, Ахматова не случайно сформулировала название своей поэмы — «Поэма без героя».

Словно в зеркале страшной ночи,
И беснуется, и не хочет
Узнавать себя человек, —
А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

Этот век начался в 1914 году. В этом «Настоящем Двадцатом Веке» человеческая жизнь потеряла всякую ценность. Не случайно Бердяев писал, что именно из Первой мировой войны выросла в 1917 году когорта не знавших жалости большевиков. И нацистов, прошедших Первую мировую (Гитлер, Геринг, Гесс). Как пишут, потери России в Первой мировой войне составили свыше 2 миллионов убитыми на фронтах и свыше 3 миллионов пленных. Потери гражданского населения Российской империи превысили 1 миллион человек. А по всему миру — около 10 миллионов. Но война не кончилась в 1918 году. По призыву Ленина империалистическая война переросла в гражданскую. Потом — Гражданская война в Испании (1936–1939), затронувшая всю Европу, потом — Финская война (1939–1940). Сравнить эту эпоху можно только с «Тридцатилетней войной» (1618–1648), ставшей первым общеевропейским конфликтом, который перекроил политическую карту Старого Света.

В массовых гекатомбах тех лет трудно было возникнуть настоящему герою. Но появляется лубочный герой массовой культуры. Российские печатные издания 1914 года много писали о подвиге донского казака Козьмы Фирсовича Крючкова. Его портреты помещали на коробках конфет и спичек. В 1915 году о Крючкове был снят художественный фильм.

В советское время появляются нелубочные герои: это и Павка Корчагин Островского, и Григорий Мелехов Шолохова, и Левинсон Фадеева. Но насколько они выражали национальный дух народа? Эти персонажи привязаны каждый к некоей идеологической модели.

Созданный А. Т. Твардовским Василий Тёркин стал неожиданно для очень многих писателей национальным героем вне идеологии. Собратья по писательскому цеху, толпившиеся у правительственной кормушки, его не принимали.

Стоит привести воспоминания старшей дочери поэта Валентины Александровны Твардовской:

В смоленской писательской организации у Твардовского были не только друзья, но и непримиримые враги. В 1930 году он был исключен оттуда за «отсутствие классово-политической позиции» и «отрыв от масс».

В 1931 году его семью, которую он покинул, уехав семнадцатилетним с глухого хутора в Смоленск, раскулачили и выслали на Северный Урал. Отец безуспешно хлопотал за нее, доказывая несправедливость высылки. А с этого времени стал числиться сыном кулака. Его уже не только обличали в «кулацких тенденциях», но и обосновывали их социальным происхождением. Я в те годы не подозревала, что была дочкой «кулацкого подголоска», как определялся он в смоленской печати.

Мне сейчас трудно понять, как он мог работать в условиях этой травли. Но работал — упорно и терпеливо над поэмой о деревне в годы коллективизации.

В «Стране Муравии» смоленские критики сразу же углядели «кулацкие», «контрреволюционные» тенденции.

О «вредной политической позиции» поэта был прямо с собрания послан донос в НКВД и в Союз писателей. Так в Смоленском НКВД открылось дело Твардовского, а в Союзе писателей — его персональное дело, разбиравшееся специальной комиссией.

Отец считал, что его спасла «Страна Муравия». Есть данные полагать, что она понравилась вождю: только этим можно объяснить, что, несмотря на ордер на арест Смоленского НКВД, его не тронули. В 1939 году, когда наградили большую группу писателей, молодой поэт, недавний провинциал Твардовский среди нескольких классиков советской литературы получил высшую награду — орден Ленина.

[Твардовская, 2015]

«Между ордером и орденом ходит», — говорили о Твардовском. Ордером на арест, как понятно. Вот строки, за которые вполне могли арестовать:

И всё, что на душе берёг,
С чем в этот год заснуть не мог,
С чем утром встал и на ночь лёг,
С чем ел не впрок
И пил не впрок, —
Всё вновь обдумал Моргунок...

— Товарищ Сталин!
Дай ответ,
Чтоб люди зря не спорили:
Конец предвидится ай нет
Всей этой суетории?..

Продолжу цитату из мемуаров дочери:

Позже об этом почему-то никто не вспоминал, а ведь он все-таки опубликовал цензурные купюры при переиздании поэмы в собрании сочинений. «Их не били, не вязали, не пытали пытками. / Их везли, везли возами с женами, пожитками...». Эти и другие запрещенные строки свидетельствуют, что «Страна Муравия» не была восторженным прославлением коллективизации, как до сих пор утверждают некоторые критики. По-видимому, не прочитав поэмы,

они просто убеждены, что советский поэт мог только «прославлять» действительность.

[Твардовская, 2015]

Орден спас поэта.

Есть книга немецкого историка Эрнста Нольте «Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм» (рус. пер.: М.: Логос, 2003). В этой весьма интересной книге автор пишет, что вся история в эти годы определялась борьбой двух идеологий — нацистской и коммунистической.

Думается мне, Нольте немного упрощает ситуацию. Надо вспомнить, что после окончания Первой мировой войны в 1918 году Германия платила сумасшедшие репарации и ей было запрещено иметь хоть какие-то военные структуры. Трудно было вообразить, что к концу 1930-х годов немецкий нацизм станет силой, потрясающей Европу, за 38 дней завоюет одну из стран-победительниц — Францию и начнет бомбить Лондон. Здесь мы вступаем поневоле на зыбкую почву геополитики. Как пишут историки, Гитлера поднимали и накачивали деньгами англосаксонские магнаты, стараясь направить удар возрожденной и милитаризованной Германии против Советской России. Если вспомнить о давней попытке Великобритании развалить Россию, по меньшей мере с Крымской кампании 1850-х годов (если не с убийства Грибоедова), ее попытки поддержать гитлеризм будут понятны. Английский премьер-министр Чемберлен сдал Гитлеру Чехословакию, чтобы укрепить веру Гитлера в свои силы. Практически все европейские страны тут же заключили союз с нацистской Германией, ожидая удара по России. СССР был последней державой, заключившей с Гитлером договор о ненападении. Но бандиты не управляемы. Бомбежка Лондона напугала нового

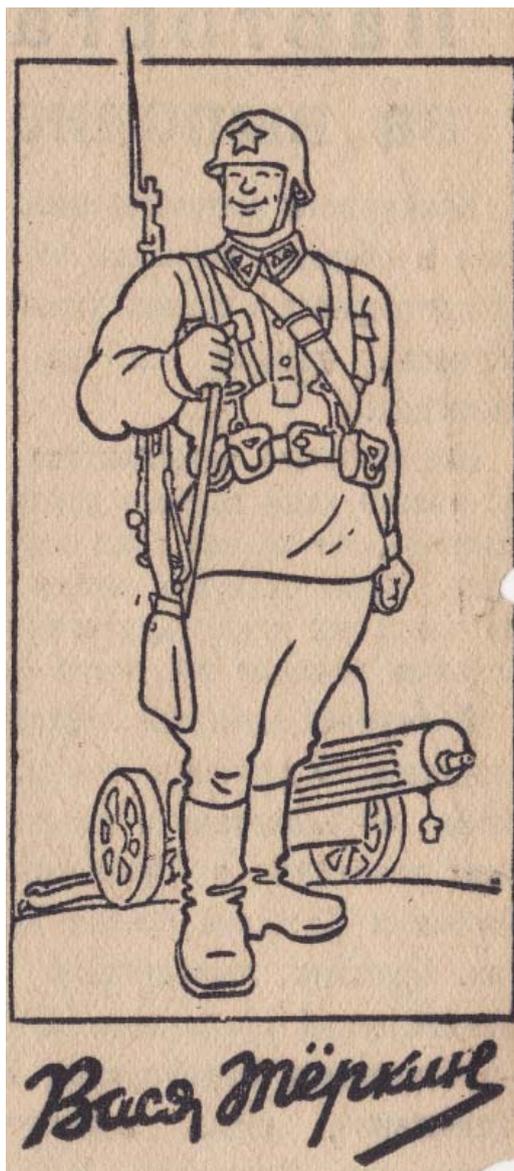

Рисунок в газете «На страже Родины»
от 8 октября 1940 года

премьера Черчилля. Он задумался о союзе с СССР, говоря, что уж лучше красный черт, чем коричневый.

Сталин опасался тем не менее Германии и предложил маленькой Финляндии отодвинуть немного границу, которая была в 14 км от Ленинграда. Взамен он предложил территорию в два раза больше. Финны отказались. Началась так называемая Финская кампания. В ней принял участие военный корреспондент Александр Твардовский. Там, в редакции фронтовой газеты «На страже Родины», где и работал поэт, придумали создать постоянного персонаж — удачливого, веселого, смекалистого бойца. Персонаж, носящий фамилию Тёркин, первоначально был отчасти карикатурным героем. Основой публикаций были рисунки, которые создавали художники Брискин и Фомичев, а затем к ним добавлялись короткие стихотворные строчки. Стоит вспомнить об одном важном литературном прецеденте. Из подписей Чарльза Диккенса к карикатурам Роберта Сеймура 1836–1837 годов родился первый роман великого писателя «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Когда началась страшная Отечественная война, Твардовский вернулся к своему герою. Ему стало понятно, что у него получается изобразить нечто большее, чем балагура. Он не создал единой сквозной темы с сюжетом. На войне каждую минуту может случиться всякое. Потому собрание историй, связанных только именем героя, всегда может быть дополнено новым действием. Как говорил сам Твардовский, он боялся погибнуть в любой момент, поэтому и выбрал такую форму: «Словом, книга про бойца / Без начала, без конца...» Так было положено начало гениальной Книге о Василии Тёркине.

Уже в 1942 году появляется небольшая книжечка.

Твардовский был большой поэт, которому доступны все душевные переживания, в том числе и трагические. Прочитую небольшое его стихотворение.

Одно из первых изданий поэмы «Василий Тёркин». 1942

Две строчки

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.
Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...
Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,

О. Г. Верейский.
А. Т. Твардовский. Портрет. 1943

Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначительной,
Забытый, маленький, лежу.

(1943)

Бомбежки Лондона англичан отрезвили, хотя немецкие нацисты продолжали рассчитывать на союз с Великобританией. Как пишет большой знаток этой проблемы Мануэль Саркисянц:

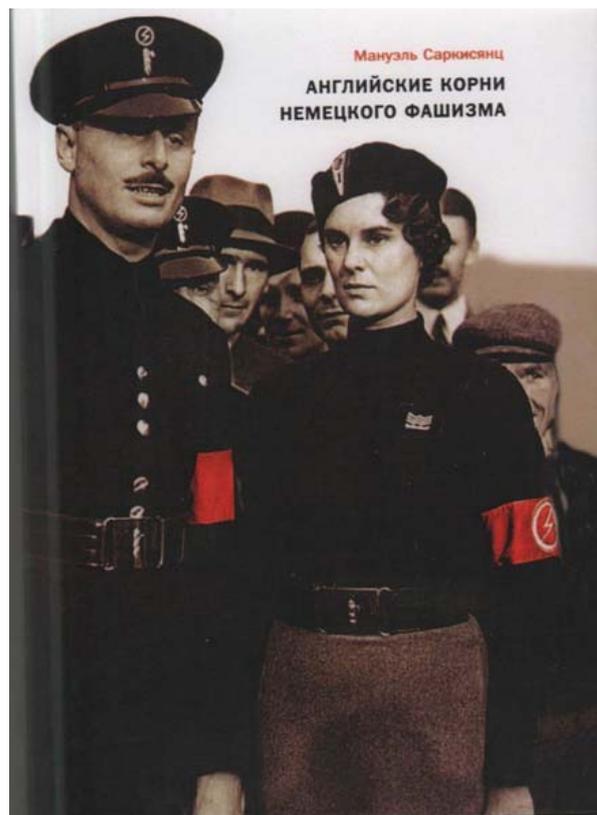
Возможно, предположение, что без практического расистского опыта Британской империи (столь процветавшей, в отличие от империи габсбургской) австрийская юдофобия Гитлера не довела бы до массовых убийств подобного масштаба на расистской почве, до столь уникального и систематичного геноцида, нельзя доказать напрямую: эта причинная связь подтверждается лишь косвенными доказательствами. Так, уверенное заявление Гитлера (в заключении к «Mein Kampf») — связанное и с другими его высказываниями на ту же тему — о «властителях мира», принадлежность к которым государство может обрести только заботясь о своих «лучших» в расовом отношении обитателях, может опираться только на «опыт» британской мировой империи.

[Саркисянц, 2003, с. 171]

Как писал крупнейший немецкий философ истории и юрист Карл Шмитт, Гитлер — это «самое жуткое порождение немецкой англomanии» [Schmitt, 1991, p. 142]. В этом контексте можно рассматривать и странный полет в одиночку 10 мая 1941 года второго после Гитлера человека в Третьем рейхе Рудольфа Гесса в Англию. Скорее всего, была попытка тайного сговора с англичанами. Но Гесс попал в руки обычного фермера, который просто сдал немца в полицию. Свою жизнь Гесс закончил в тюрьме.

Черчилль предложил Рузвельту объединиться со Сталиным против Гитлера. Запахло новой Антантой. Но разница новой войны с Первой мировой была принципиальной. Приведу цифры погибших. Если в той войне погибло 2 миллиона в России, то во Второй мировой войне, даже по не очень точным цифрам, погибло 27 миллионов. Эта война стала войной на выживание, выживание целого народа. Практически вся Европа объединилась против Советской России. Наполеон тоже шел на Россию во главе всей Европы. Но тогда у захватчиков не было идеи уничтожить народ, очистить территорию от людей. А немецкие нацисты шли на Россию именно с этой идеей. Истребить евреев и русских — вот задача нового Дранг нах Остен. Интересно, что «во всех городах и деревнях Литвы и Латвии немецкие войска принимали с ликованием, на Украине почти повсеместно их встречали хлебом и солью» [Нольте, 2003, с. 388]. А к русской войне была выпущена инструкция: «Помни о величии и победе Германии. Для твоей личной славы ты должен убить ровно 100 русских. У тебя нет ни сердца, ни нервов — на войне они не нужны. Уничтожив в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского; не останавливайся — старик перед тобой, женщина, девушка или мальчик. Убивай! Этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки».

Памятка солдату призывала убивать не комиссаров, а всех русских — женщин, девушек, мальчиков. Это инструкция не для каких-нибудь эсэсовских го-

Саркисянц Мануэль. Английские корни немецкого фашизма. Обложка. 2003

ловорезов, не для карателей. Для обычных солдатиков в серой полевой форме» [Мединский, 2011, с. 123–124].

Кто-то испугался, сдался, перешел на сторону завоевателей, но в целом народ ожесточился. Таких стихов, какие писались в те годы, русская поэзия не знала. Это и «Мужество» Ахматовой («Час мужества пробил на наших часах, / И мужество нас не покинет»), и стихи Семена Гудзенко: «Когда на смерть идут — поют», и стихи Симонова, полные надежды и отчаяния: «Жди меня, и я вернусь». И поэтическое заклинание, заклятие у Эренбурга:

Убей

Как кровь в виске твоём стучит,
Как год в крови, как счёт обид,
Как горем пьян и без вина,
И как большая тишина,
Что после пуль и после мин,
И в сто пудов, на миг один,
Как эта жизнь — не ешь, не пей
И не дыши — одно: убей!
За сжатый рот твоей жены,
За то, что годы сожжены,
За то, что нет ни сна, ни стен,
За плач детей, за крик сирен,
За то, что даже образа
Свои проплакали глаза,
За горе оскорбленных пчел
За то, что он к тебе пришел,
За то, что ты — не ешь, не пей,
Как кровь в виске — одно: убей!

(1942)

Среди этих невероятно сильных и энергичных стихотворений вдруг появился текст, где сложные и даже трагические сюжеты рассказаны без надрыва, временами даже с шуткой. «Книга про бойца» — вещь удивительная. Твардовский увидел то, что не видели другие. Или видели, но не говорили об этом. О том, что огромная часть страны, вся ее европейская часть была под властью немецких фашистов. *Была в плену*. Не некий солдат, не взвод, не рота, даже не полк, а огромная часть твоей Родины.

— Доложу хотя бы вкратце,
Как пришлось нам в счёт войны
С тыла к фронту пробираться
С той, с немецкой стороны.
Как с немецкой, с той зарецкой
Стороны, как говорят,
Вслед за властью за советской,
Вслед за фронтом шёл наш брат...
Шёл наш брат, худой, голодный,
Потерявший связь и часть,
Шёл поротно и повзводно,
И компанией свободной,
И один, как перст, подчас.
Полям шёл, лесною кромкой,
Избегая лишних глаз...
<...>
Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?
Шли, однако. Шёл и я...
<...>
Покидая *пленный край*.
Я одну политбеседу
Повторял:
— Не унывай.
Не зарвёмся, так прорвёмся,
Будем живы — не погрём.
Срок придёт, назад вернёмся,
Что отдали — всё вернём.
Самого б меня спросили,
Ровно столько знал и я,
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?

Мы сегодня не до конца можем осознать пережитый ужас Отечественной войны. И тем более не замечаем, что политбеседа бойца Василия Тёркина удивительна: ни слова о правительстве, ни слова о партии, о вождях, о

неминуемой победе, ни слова о Сталине. Именно это ставили автору в упрек даже принявшие книгу о Тёркине партийные советские критики и литературоведы. Скажем, весьма партийная литературная дама Евгения Книпович писала, мол, Твардовский не увидел, что «миллионы стремлений и усилий были оформлены волей и разумом советской власти, коммунистической партии. Звенья победы — вплоть — до мельчайших — ковалась по единому и великому плану» [цит. по: Турков, 2010, с. 11]. У Тёркина ни слова о боевых задачах, о роли партии, он понимает реальность и преодолевает ее шуткой. И шутит постоянно — и над собой, даже в смертельных ситуациях:

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблён...
Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьёт со вкусом
На позиции любой.

И вот этот ратный труд появляется там, где есть дух и воля. Если помните, приходит Тёркин к бабке с дедом, помогает им, а потом его кормят: «Ел он много, но не жадно, / Отдавал закуске честь. / Так-то ладно, так-то складно, / Поглядишь — захочешь есть». Мужик свободен, умеет трудиться, а стало быть, и вознаграждать себя за труд (в данном случае, ратный труд) простой едой. Вещь совершенно невероятная — увидеть такое во время военной голодухи, но именно эту свободу в отношении к труду и ратному труду Твардовский бесконечно изображает.

Тёркин не острит, а шутит, лицо не саркастическое, а улыбчивое. Именно об этом в гениальной главе «Переправа». Твардовский вполне понимал и чувствовал такую же ненависть к врагу, как у других поэтов (глава «Поединок»), но у него была сверхзадача — *ради жизни на земле*.

Пушки бьют в крошечной мгле.
Бой идет святой и правый.
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле.

О. Г. Верейский. Тёркин. 1943–1946

Его герой уходит на бой и выходит из боя не сожженный, а равный себе, несущий в себе константу жизни.

И, у заберегов корку
Ледяную обломав,
Он как он, Василий Тёркин,
Встал живой, — добрался вплавь.
Гладкий, голый, как из бани,
Встал, шатаясь тяжело.
Ни зубами, ни губами
Не работает — свело.
Подхватили, обвязали,
Дали валенки с ноги.
Пригрозили, приказали —
Можешь, нет ли, а беги.

Под горой, в штабной избушке,
Парня тотчас на кровать
Положили для просушки,
Стали спиртом растирать.
Растирали, растирали...
Вдруг он молвит, как во сне:
— Доктор, доктор, а нельзя ли
Изнутри погреться мне,
Чтоб не всё на кожу тратить?
Дали стопку — начал жить,
Приподнялся на кровати:
— Разрешите доложить...
Взвод на правом берегу
Жив-здоров назло врагу!
Лейтенант всего лишь просит
Огоньку туда подбросить.
А уж следом за огнём
Встанем, ноги разомнём,
Что там есть, перекалечим,
Переправу обеспечим...
Доложил по форме, словно
Тотчас плыть ему назад.
— Молодец! — сказал полковник. —
Молодец! Спасибо, брат.
И с улыбкою неробкой
Говорит тогда боец:
— А ещё нельзя ли стопку,
Потому как молодец?
Посмотрел полковник строго,
Покосился на бойца.
— Молодец, а будет много —
Сразу две.
— Так два ж конца...
Переправа, переправа!

Интересно и важно, что на этой страшной войне не ушло, а стало как бы нормой самоощущения понятие *чести*, понятие, которое вводил Петр Великий в сознание юного русского дворянства. Понятие это было усвоено не сразу.

В «Капитанской дочке» юный Гринёв берег честь смолоду, а его неприятель Швабрин даже не думал о ней. Тёркин продолжает линию Гринёва.

На войне себя забудь,
Помни честь, однако,
Рвись до дела — грудь на грудь,
Драка — значит, драка.

И это единство России, единство солдатской чести очень чувствует поэт:

Тем путём идут суровым,
Что и двести лет назад
Проходил с ружьём кремнёвым
Русский труженик-солдат.

Как писала В. А. Твардовская,

...[отец] говорил только о самом главном и жизненно важном — о большой и малой родине, о семье, о родном доме. О том, что «Россию, мать-старуху, нам нельзя терять никак». Это было необычно для советской литературы военных лет и затрудняло публикацию поэмы. Домой он писал, что в редакциях журналов и газет у него просят стихов с оговоркой: «Дайте что угодно, только не *Тёркина*». На вопрос, чем плох «Тёркин», прямого ответа отец не получал. {...}

В список кандидатов на Сталинскую премию за 1943 год Твардовского не включили, но премий в том году и не выдавали. Не включили его и в список за 1943–44 годы. По словам Александра Фадеева, присутствовавшего на обсуждении выдвинутых кандидатур, Сталин выразил удивление, не увидев в списке автора «Тёркина». «Поэма еще не закончена», — объяснили ему. — «Я не думаю, чтобы он ее сильно испортил», — заметил Сталин. И красным карандашом, по свидетельству Фадеева, вписал Твардовского в список кандидатов на премию первой степени¹.

Последствием присуждения Сталинской премии были массовые издания поэмы, которые никак не могли насытить книжный рынок. Оживилась и критика. Наряду с прекрасными статьями, как, например, Даниила Данина или Владимира Александрова, были и те, где автора упрекали, что он изобразил

¹ На вопрос «Почему?» отвечать не буду, но хочу напомнить, что Сталин 14 раз смотрел пьесу о белой гвардии «Дни Турбиных». Чем-то стоявшие просто за Россию, вне партий, были ему симпатичны. — *Примеч. авт.*

И. А. Бунин. 1947

«не советского солдата», а «русского солдата всех времен». Но в том, что автор показал в своем герое общие черты с «русским тружеником — солдатом» прошлых войн, думается, было как раз одно из непреходящих достоинств поэмы.

[Твардовская, 2015]

И вот голос с другого берега от великого русского писателя, лауреата Нобелевской премии и беспощадного врага советской власти Ивана Бунина:

...Я только что прочитал книгу А. Твардовского «Василий Тёркин» и не могу удержаться — прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передать ему при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придирчивый, требовательный) совершенно восхищен его талантом, — это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный солдатский язык, — ни сучка ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, т. е. литературно-пошлого слова.

[Из письма И. А. Бунина И. Д. Телешову, 2010]

* * *

Мне в жизни повезло. Я познакомился, а потом и подружился в конце 1970-х с дочерью Александра Трифоновича, Валентиной Александровны Твардовской (1931–2023) — прекрасным историком, специалистом по русской общественной мысли XIX века. Так получилось, что мне довелось стать

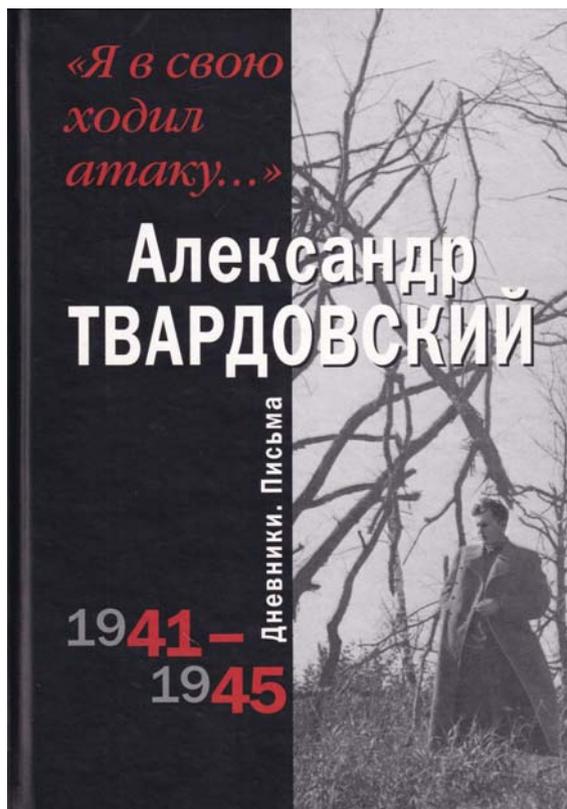

Валентина Александровна Твардовская

рецензентом ее книги о Михаиле Каткове [Кантор, 1979]. Выбор рецензента, то есть меня, был не случаен. В 1973 году в «Вопросах литературы», в № 5 вышла моя статья «М. Н. Катков и крушение эстетики либерализма». Другого рецензента на книгу о Каткове трудно было найти. Валентине Александровне показалось, что Каткова я знаю и понимаю. А потом и рецензия ей понравилась.

Мы немало беседовали о России, о русской общественной мысли и, конечно же, о ее отце. Валентина Александровна дарила мне выходявшие книги отца. В 1990 году я получил «Избранные произведения» в трех томах. Все подарки были дороги для меня и важны, но одна книга особенно. Называлась «Я в свою ходил атаку».

Это книга, где дочери Валентина и Ольга собрали дневники и письма отца за 1941–1945 годы. К сожалению, я не был знаком с Ольгой Александровной, но пару слов хочу о ней сказать. Ольга Александровна Твардовская (1941–2017) — заслуженный художник РФ, лауреат Государственной премии. Вместе с супругом, художником-постановщиком Владимиром Макушенко, сотрудничала с

Александр Твардовский. «Я в свою ходил атаку...» 1941–1945. Дневники. Письма. М.: Вагриус, 2005.

ведущими театрами страны. В 1970-е годы Твардовская много работала в «Ленкоме» с Марком Анатольевичем Захаровым.

Твардовский как бы сроднился со своим героем. Когда говорили о поэте, невольно вспоминали Тёркина, хотя он написал много прекрасных стихов, достойных того, чтобы войти в пантеон русской поэзии. Скажем, «Я убит подо Ржевом» — бесспорный шедевр на уровне высочайших поэтических открытий мировой культуры. Надо добавить и «Дом у дороги», и «За далью даль»... Поэт сделал Тёркина своим земляком, смоленским мужиком, потому что Россия начинается с отчего дома. И земляки это оценили, поставив им обоим в Смоленске памятник.

Надо добавить, что для моего поколения, да и для людей постарше, «Василий Тёркин» продолжился дантовской по замыслу, да и по исполнению, поэмой «Тёркин на том свете». В конце 1960-х, как помню, у нас на кухне собирались друзья, и я читал вслух «Тёркина на том свете». Вариант протестного мироощущения. Жизненность созданного Твардовским образа бойца оказалась поразительной. Замах на дантовский уровень не погубил поэму, а показал ее силу и глубину, глубину созданного образа. Добавлю, что продолжение «Тёркин на том свете» впервые опубликовано по указанию Хрущева 17 августа 1963 года в газете «Известия» (главред — Алексей Аджубей, зять Хрущева).

А. Г. Сергеев. Памятник Александру Твардовскому и Василию Тёркину.
Фото Александра Анашкина. Смоленск. 1995

Скажут, что в «Божественной комедии» герой сам Данте, а тут рядовой боец, да еще и пехотинец, даже не летчик, не моряк. Но в тексте очень часто происходит сбой, то ли это рассказ о Тёркине, то ли рассказ Тёркина, то ли размышления самого автора, который словно отождествляет себя с героем. Это классическая несобственно-прямая речь. И не случайно, ведь испытания у автора и героя общие. И «читатель-дока» воскликнет:

Задурил, кичась талантом, —
Да всему же есть предел, —
Новым, видите ли, Дантом
Объявиться захотел.

И конечно, руководство страны должно было, иронизирует над собой и ситуацией поэт,

О. Г. Верейский. Обложка

Просто вызвать на бюро
Да призвать тебя к порядку,
Чтобы выправил перо.

Но гении, и на бюро выйдя, сквозь тьму предложенных обстоятельств видят то, что дано их нездешнему зрению. Твардовский и в самом деле создал нечто подобное дантовской поэме. Солженицын в «Круге первом» тоже опирался на идею итальянского гения о потусторонней жизни. Но его Круг первый остался вполне земным, и ситуации в этом круге, может, и жестокие, но мы понимаем, что силы ада здесь не задействованы.

А то, о чем сказал Твардовский, — о народе как нации, о народе как труженнике даже в войне, о трагедии нормального человека, который противостоит аду, попав туда, потому что он «условный» мертвец, это на уровне русского Данте, — вот это, я думаю, в русской и мировой культуре останется навсегда. И ничего уже с этим не поделаешь.

Статью хочу закончить стихотворением Твардовского.
Совсем в духе Василия Тёркина.

Такою отмечен я долей бедовой:
Была уже мать на последней неделе,

Сгребала сенцо на опушке еловой, —
Минута пришла — далеко до постели.
И та закрепилась за мною отметка,
Я с детства подробности эти усвоил,
Как с поля меня доставляла соседка
С налипшей на мне прошлогоднею хвоей.
И не были эти в обиду мне слухи,
Что я из-под ёлки, и всякие толки, —
Зато, как тогда утверждали старухи,
Таких, из-под ёлки,
Не трогают волки.
Увы, без вниманья к породе особой,
Что хвойные те означали иголки,
С великой охотой,
С отменною злобой
Едят меня всякие серые волки.
Едят, но недаром же я из-под ели:
Отнюдь не сказать, чтобы так-таки съели.

(1966)

Список источников

- Из письма И. А. Бунина Н. Д. Телешову. 19.09.1947 г. Париж // А. Т. Твардовский: Pro et contra / под ред. Андрея Туркова. СПб.: РХГА, 2010. С. 225.
- Кантор В. К. В. А. Твардовская. Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания) (рец.) // Вопр. философии. 1979. № 8. С. 173–176.
- Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 672 с.
- Нольте Эрнст. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм. М.: Логос, 2003. 528 с.
- Саркисянц Мануэль. Английские корни немецкого фашизма: От британской к австро-баварской «расе господ». СПб: Академический проект, 2003. 400 с.
- Твардовская Валентина. Строки из стихов отца часто цитируют, не называя автора. 2015. URL: <https://www.pravmir.ru/valentina-tvardovskaya-stroki-iz-stihov-ottsa-chasto-tsitiruyut-ne-nazyivaya-avtora/> (дата обращения: 09.05.2025).
- Турков Андрей. Александр Твардовский: судьба и творчество // А. Т. Твардовский: Pro et contra. СПб.: РХГА, 2010. С. 7–26.
- Schmitt Carl. Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre (1947–1951) / Herausgegeben von Eberhard Freiherr von Medem. Berlin: Duncker and Humblot, 1991. 364 S.

References

Turkov, Andrei (ed.) (2010) “Iz pis'ma I. A. Bunina N. D. Teleshovu. 19.09.1947 g. Parizh” [“From the Letter of I. A. Bunin to N. D. Teleshov. September 19, 1947. Paris”], in *A. T. Tvardovskii: Pro et contra*. St. Petersburg: RKhGA, p. 225.

Kantor, V. K. (1979) “V. A. Tvardovskaya. Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya (M. N. Katkov i ego izdaniya) (rets.)” [“V. A. Tvardovskaya. Ideology of the Post-reform Autocracy (M. N. Katkov and his Publications) (Review)”], *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 8, pp. 173–176.

Medinskii, V. R. (2011) *Voina. Mify SSSR. 1939–1945* [War. Myths of the USSR. 1939–1945]. Moscow: OLMA Media Grupp.

Nol'te, Ernst (2003) *Evropeiskaya grazhdanskaya voina (1917–1945). Natsional-sotsializm i bol'shevizm* [The European Civil War (1917–1945). National Socialism and Bolshevism]. Moscow: Logos.

Sarkisyants, Manuel' (2003) *Angliiskie korni nemetskogo fashizma: Ot britanskoi k avstrobavarskoi “rase gospod”* [English Roots of German Fascism: From the British to the Austro-Bavarian “Master Race”]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.

Tvardovskaya, Valentina (2015) *Stroki iz stikhov ottsa chasto tsitiruyut, ne nazyvaya avtora* [Lines from her Father's Poems are Often Quoted without Naming the Author]. Available at: <https://www.pravmir.ru/valentina-tvardovskaya-stroki-iz-stihov-ottsa-chasto-tsitiruyut-ne-nazyivaya-avtora/> (Accessed: 09 May 2025).

Turkov, Andrei (2010) “Aleksandr Tvardovskii: sud'ba i tvorchestvo” [“Alexander Tvardovsky: Fate and Creativity”], in *A. T. Tvardovskii: Pro et contra*. St. Petersburg: RKhGA, pp. 7–26.

Schmitt, Carl (1991) *Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre (1947–1951)*. Herausgegeben von Eberhard Freiherr von Medem. Berlin: Duncker and Humblot.

Информация об авторе: Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: Vladimir K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophi-

cal Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.05.2025;
одобрена после рецензирования 01.06.2025;
принята к публикации 10.06.2025.

The article was submitted 11.05.2025;
approved after reviewing 01.06.2025;
accepted for publication 10.06.2025.